

Оглядываясь на «Русскую весну»

Борис Межуев

Б.В. Межуев – кандидат философских наук, доцент философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-8-20

Оставим без обсуждения вопрос о прилагательном в названии – «Русская весна» или «весна Крымская»? Будем считать эти понятия синонимами. Зададимся вопросом, почему именно «весна»? Украинский Майдан, строго говоря, начался ещё в ноябре 2013 г., а кульминационной точки он достиг 21 февраля 2014-го. В этот день президент Украины Виктор Янукович под огромным давлением с разных сторон подписал соглашение с оппозицией, отменив ранее принятые им самим законы и согласившись на досрочные выборы через несколько месяцев. Так что дело не во времени года. Дело в характере событий.

ПОЧЕМУ «ВЕСНА»?

Уже в феврале 2014 г. было понятно, что речь идёт о капитуляции киевской власти, а на выборах победят её противники. Но Майдану этого было мало, и на вечернем митинге в центре Киева сотник Парасюк заявил, что утром вместе с бойцами идёт на Банковую. Его поддержала толпа, а подписавшие соглашение лидеры оппозиции стояли и молчали с сокрушённым и подавленным видом. Надеяться на так называемый Юго-Восток Украины противникам Майдана было бессмысленно, потому что контролирующие регион олигархи к тому времени оказались то ли куплены, то ли запуганы американцами, конкретно – почти неизменным заместителем госсекретаря США Викторией Нуланд. На так называемом Харьковском съезде,

куда отправился Янукович в ночь с 21 на 22 февраля, звучало много пустых слов, увещеваний, жалоб, но на решительный шаг никто не отважился. Власть, установленную в ходе киевского переворота, представители Востока, поколебавшись, признали законной.

22 февраля был в этом смысле самым безнадёжным днём новой отечественной истории. Если бы за 22 февраля не наступило 23-е, когда поднялся Севастополь, и площадь Нахимова не заполнили бы люди с российскими триколорами, поющие «Вставай, страна огромная!», судьба России могла сложиться иначе. Столь много презрительных слов в адрес власти, русского народа, да и России в целом, как именно 22 февраля, я не слышал никогда в жизни. Знакомый политтехнолог сказал: «Россию поддержат на Украине только бандиты». Другой коллега подозревал, что «продажная» элита никогда не рискнёт пожертвовать успехом Олимпиады, чтобы защитить русских. Очень многие восхищались Майданом, причём далеко не только либералы. Один приятель, ныне горячий Z-патриот, говорил, что нельзя бороться с вооружённым народом, и он имел в виду именно «Правый сектор» и других боевиков с Площади Независимости. Русский человек, да и человек вообще, склонен обожествлять силу, видеть в ней что-то почти священное. Сила привлекает, слабость отталкивает. Россияне до сих пор не могут простить слабость Горбачёву, политику, подарившему населению СССР все возможные свободы, но оказавшемуся не способным отстоять свою власть. Отечественные либералы пели вдохновенные оды киевской революции, её уже тогда, кажется, называли «революцией достоинства», и, вероятно, мечтали, чтобы нечто подобное случилось и у нас.

В тот момент нанести поражение революции могла только «революция наоборот», революция против революции. Революция «русского достоинства». Она и случилась 23 февраля, когда поднялись одновременно Севастополь и Керчь. Чуть позже присоединился Симферополь, затем Харьков и Донецк, где восстание было, впрочем, быстро подавлено силами местной олигархии. Потом начались другие события.

Слово «весна» по отношению к революционным процессам в истории употреблялось несколько раз. «Весна народов» 1848 г. – серия восстаний против монархических режимов, прокатившаяся

по всей Европе. А также, разумеется, «арабская весна» 2011 г., обрушившая автократии в Тунисе, Египте, Ливии, но завершившаяся – несколько неожиданно – временной победой «Братьев-мусульман» (запрещённая в России организация. – *Прим. ред.*) в Египте и установлением террористического халифата на Ближнем Востоке. «Весна» на языке политики – другое название революционной «волны», серии освободительных восстаний, чем-то подобной эпидемии. У этих восстаний, как правило, всегда имеется национальный подтекст. Но ведь и все революции в той или иной степени имеют национально-освободительную составляющую. Где-то она очевидна, как в случае с Нидерландской революцией XVI века, когда жители поднялись против испанской короны. Где-то чуть менее – как во время Французской революции XVIII века, где представители третьего сословия в лице, например, аббата Сийеса всё же заявляли о себе как об угнетённой нации («галлов»), восставшей против завоевателей («франков»). Разумеется, национальная подоплёка была и у «революции достоинства» – это была революция против русских и России. Те участники этой революции, кто в тот момент пытался несколько затемнить данное обстоятельство, утверждали, что восстание в Киеве носит антикриминальный характер, и Янукович породил общенациональный протест именно как коррупционер и специалист по отжатию собственности в пользу «донецкого клана». Но состав протестующих, их лозунги и требования не давали возможность ошибиться – речь шла именно о прозападной революции против России, её интересов и влияния.

Януковича ненавидели как лоббиста местнических донецких интересов и в Крыму. У крымчан не было ни малейшего основания жалеть о свергнутом 22 февраля президенте, однако это отнюдь не располагало их в пользу Майдана. Казалось бы, вступление в ЕС или даже подписание той самой пресловутой Евроассоциации (о которой как о некоем особом институте никто с 2014 г. не вспоминал) давало основание надеяться, что криминальный диктат «донецкого клана» будет прекращён или хотя бы ограничен, если Европа реально примет Украину в свои ряды. В конце концов, конкретно крымчане могли бы рассчитывать в случае вступления Украины в ЕС на возвращение региональной автономии, а также некоторых прав и свобод в плане сохранения собственного языка, праздников

и традиций. Однако все эти блага требовали одного радикального шага – отречения от России и российской цивилизации. Именно этим Майдан и был неприемлем для русских активистов в Крыму и на Донбассе – его победа означала окончательное расставание с Россией, разрыв с русской историей.

КТО СКАЗАЛ СЛОВО «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»?

Тогда, в 2014 г., слово «цивилизация» произносилось редко. Кажется, даже 18 марта во время церемонии подписания договора о вхождении Крыма и Севастополя в состав России президент РФ говорил не о российской цивилизации как о некоей особой общности, равно-великой тому, что потом стало называться «коллективным Западом». Президент говорил о «воссоединении российской нации», ссылаясь на пример Германии, вернувшей себе национальное единство после разрушения Берлинской стены в 1989 году. В элитах ещё господствовало представление, что Россия сможет стать частью Европы, если европейские государства обретут подлинную национальную самостоятельность и выйдут из-под контроля Вашингтона и Брюсселя. Николай Данилевский, придумавший в XIX веке теорию культурно-исторических типов, тогда ещё не был столь популярен, как сейчас, и не только интеллектуальную, но и художественную моду задавали русские националисты. А им русские представлялись подлинно европейской нацией, загнанной Туманным Альбионом и другими зловными англосаксами в тёмные уголки Азии.

Однако вне «цивилизационного» дискурса оставался без ответа, может быть, главный вопрос – зачем русским стремиться в «русский мир»? Почему бы не бежать в Европу, то есть в ЕС или даже в НАТО, но в качестве отдельной общности, а не угнетённого меньшинства в составе чуждых им национальных государств? Между прочим, были среди русских националистов и такие, кто именно так отвечал на вопрос о национальном самоопределении. Некоторые из них в феврале 2014-го откровенно поддержали Майдан, другие в конце концов выбрали «Русскую весну», но именно в качестве бунта национального самоопределения против навязываемой украинской этничности. Без цивилизационной терминологии трудно ответить на вопрос, почему бороться с этой чужой идентичностью надо вне, а не внутри Европы.

То, что можно было бы назвать «цивилизационным дискурсом», тогда звучало в нескольких разных средах. **Во-первых**, на «цивилизационном» языке уже тогда говорило руководство Русской православной церкви. Патриарх Кирилл обращался в нескольких выступлениях к термину «государство-цивилизация», тем самым, вероятно, желая подчеркнуть, что Россия как цивилизация больше, чем Россия как государство и даже русские как народ. Для иерарха поместной Церкви, окормляющей несколько народов и даже население нескольких государств, естественно было искать понятие, которое имело надгосударственный характер, но содержало отсылку к русским религиозным и культурным основаниям. В конце концов, в 2014 г. разрыв с Украиной ещё не казался фатальным, и Церковь надеялась сыграть роль объединителя политически разошедшихся народов.

Во-вторых, к понятию «цивилизация» в 2013 г. стали обращаться активисты русского движения в Крыму и Севастополе. Алексей Чалый, будущий народный мэр Севастополя, а до этого вдохновитель и организатор севастопольского движения «Республика», отвечая на вопрос о причинах неприятия жителями города затеянной Януковичем евроинтеграции (которая должна была начаться с подписания документа о Евроассоциации в Вильнюсе в ноябре 2013 г.), говорил, что это привело бы к отрыву севастопольцев от русской цивилизации, тогда как город никогда – даже во время злополучного референдума о независимости УССР 1 декабря 1991 г. – не давал на это согласия. О том же говорили и поклонники Данилевского среди крымской интеллигенции – в частности, очень авторитетный в Симферополе учёный и активист русского движения, историк и геополитик Сергей Киселёв, усилиями которого, кстати, был создан мемориал на месте захоронения автора «России и Европы».

Наконец, **третьей** силой, которая в 2014 г. по-своему развивала «цивилизационный дискурс», были сторонники Александра Дугина. Для них это понятие не имело чёткой географической локализации. В 2014 г. дугинисты на самом деле мечтали не об отделении от Европы, а о её трансформации в нужном для них направлении. С этой целью они искали контакта с правыми, иногда ультраправыми течениями на континенте, с которыми Россия могла бы найти общий язык. Слово «цивилизация» в устах Дугина

означало не особость от Европы, а некую иную сборку Европы на традиционалистских и антилиберальных основаниях.

Наконец, упомянем и **четвёртый** локус «цивилизационного дискурса» в 2014 г. – традиционных евразийцев (недугинского толка) и сторонников идеи «острова Россия» Вадима Цымбурского (к последним принадлежит и автор этих строк). Вот для этих людей «Русская весна» была не чем иным, как притяжением к России тех территорий, которые не могли (или не хотели) быть поглощены Западом как противостоящей России цивилизацией. Их последующая смычка с крымскими и севастопольскими активистами вытекала хотя бы из того обстоятельства, что слово «цивилизация» они употребляли в одном и том же смысле, а сам факт совпадения не мог не быть осознан как аргумент в пользу того, что русские – не столько этническая или национальная, но в первую очередь особая цивилизационная идентичность. Согласно теоретикам «цивилизационного подхода», русским в Крыму приходилось выбирать не между Россией и Украиной, но между Россией и Европой (прямо по Данилевскому). И то, что такой выбор произошёл сознательно, с использованием соответствующих правильных слов, означало: речь шла не просто о «воссоединении одного народа», но о самоопределении особой цивилизации.

В этом пункте традиционные евразийцы и сторонники «острова Россия» сходились. Но далее начинались серьёзные разногласия. Для евразийцев не существовало проблемы лимитрофных территорий, для них всё на западе континента, что не принадлежало Европе, логически отходило к Евразии, то есть, соответственно, в сферу влияния России. И наоборот. Вслед за Константином Леонтьевым они принимали, что западные славяне тяготеют к Европе, и были готовы их отпустить, но вот восточные славяне, по их мнению, обязаны были принадлежать Евразии. Если они отказывались это делать и вслед за чехами и болгарами устремлялись в ЕС и НАТО, то, по мнению евразийцев, это представляло собой либо прямое предательство, либо в лучшем случае – историческую ошибку, требующую последующего исправления. Некоторые радикально настроенные евразийцы делали из этого заключения однозначные выводы – если Киев не хочет объединяться с Россией, надо примерно его наказать.

Понятно, что с либеральной точки зрения все эти рассуждения вообще не имели смысла, поскольку являлись не более чем спекуляциями по поводу навязанной идентичности. Но если отойти немного от либеральных представлений и попробовать «навязать» правильную идентичность, не вступая в вопиющее противоречие с реальностью, то единственно возможным ответом на вопрос о самоопределении – без срыва в цивилизационное насилие – будет концепция «острова Россия». Согласно этой концепции, Украина – лимитрофное, промежуточное государство, обречённое на вечные колебания между Россией и Европой и не способное на полную интеграцию ни с той, ни с другой цивилизацией. В этом государстве тем не менее остаются (во всяком случае, оставались на момент 2014 г.) регионы с очень сильной российской идентичностью, которые в случае попытки поглощения Западом Украины целиком могли легко от неё отколоться, чтобы присоединиться к России. Создатель концепции Вадим Цымбурский причислял такие территории к «шельфу острова Россия»: территории, которые естественным образом отслаивались от своих национальных государств в том случае, если последние делали попытку вступить в заведомо недружественный России военный, политический или даже экономический блок.

Концепция «острова Россия» убедительно описывала в своих терминах события, что произошли в Крыму и на Донбассе зимой-весной 2014 года. Она вообще была рождена как будто бы именно для того, чтобы такие события предсказать и заранее осмыслить. Однако десять лет назад, как мы говорили, оказались не востребованы ни эта концепция, ни сам по себе цивилизационный дискурс. Это стало причиной многих последующих проблем.

КАК СМОТРЕТЬ НА МИНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ?

Речь идёт в первую очередь о так называемых Минских соглашениях, которые были подписаны в сентябре 2014 г., а затем получили дополнительное подтверждение в феврале 2015-го в виде принятия Комплекса мер по их выполнению. Соглашения обозначили конец «Русской весны», завершение и прекращение военного наступления сил ДНР и ЛНР: Россия отказывалась от присоединения новых территорий, в ответ Украина обещала закрепить в своей Конституции их особый статус. Соглашения вызвали нападки с обеих

сторон. Их осудили украинские радикалы, желавшие реванша за Крым и видевшие в принятии этих документов лишь силовой шантаж. Российские радикалы относились к Минску с тем же чувством – по их мнению, «Русская весна» была остановлена угрозой экономических санкций со стороны Европы. Что касается российской власти, то она, по-видимому, рассматривала соглашения как рабочий компромисс не столько с Украиной, сколько с Францией и Германией, обусловленный общностью экономических интересов. С точки зрения российской дипломатии (во всяком случае, экспертного околополитического мейнстрима тех лет), континентальным державам было бы выгодно приструнить Украину как транзитную страну, шантажирующую поставщика и потребителей сырьевых ресурсов возможными политическими осложнениями. Понятно, что такое восприятие игнорировало логику цивилизационного или блокового позиционирования, согласно которой Украина при всех издержках, связанных с её геополитическими претензиями на самостоятельность, оказывалась цивилизационно ближе Германии, чем Россия – главный энергетический донор Восточной и Центральной Европы. Сделаем оговорку: ближе не по культуре и ментальности, а как аппликант на вступление в западный цивилизационный блок (ровно в том же самом смысле, в каком России «ближе» Абхазия, чем Грузия, или же Приднестровье, чем Молдавия).

Игнорированием цивилизационного подхода объяснялось искажённое восприятие Минских соглашений как сговора трёх континентальных государств (России, Франции и Германии) по своего рода геополитической и геоэкономической нейтрализации четвёртого – Украины. Как потом выяснилось, европейские партнёры смотрели на процесс совсем другими глазами: соглашения требовались исключительно для остановки российской экспансии, а имплементация обязательств, принятых в 2014 г., в их планы не входила.

В то же время дугинисты видели в соглашениях приостановку российского натиска на Европу с целью её цивилизационного исправления. Дугинизм в каком-то смысле представлял собой троцкизм наоборот, сторонники Льва Троцкого хотели, чтобы усилиями СССР, Красной армии или же Коминтерна реализовался проект социалистических Соединённых Штатов Европы. Сторонники Алек-

сандра Дугина надеялись, что натиск объединённых сил «русского мира» приведёт к возникновению традиционалистских Соединённых Штатов Европы, или, если угодно, евразийской империи от Атлантики до Владивостока, как она рисовалась в мечтаниях маргинальных ультраправых теоретиков типа любимого писателя-философа дугинистов Жана Парвулеско. Традиционные евразийцы и радикальные националисты хотя и не заходили в своих мечтаниях так далеко, но также не хотели ограничиваться Крымом – им нужна была или вся Украина в составе руководимой Россией Большой Евразии, или же отрезанная от Украины Новороссия.

Между тем на происходящее следовало смотреть через призму цивилизационной геополитики, желательно в «островитянских» категориях. И прийти к неизбежному выводу: соглашения просто знаменуют собой разделение Восточной Европы по цивилизационным блокам. Территории, которые де-факто и де-юре контролирует Россия, после Минских соглашений останутся за ней, несмотря на неизбежные европейские упрёки и санкции. Те же территории, которые Россия либо союзные с ней силы не решились взять к моменту подписания соглашений, скорее всего, отойдут западному блоку. Конечно, при достаточной решимости можно было взять побольше и без демонстративного нарушения Будапештских соглашений – в качестве бескорыстной помощи законно избранной демократической власти, свергнутой посредством кровавого государственного переворота. На освобождённых территориях тогда возникла бы пророссийская Украина, находящаяся в непростом соседстве с Украиной проевропейской.

В идеале (конечно, недостижимом) был нужен референдум на территории Украины относительно того, к какому блоку хотел принадлежать каждый регион. Как бы ни относиться к Януковичу, он был не диктатором, а демократически избранным президентом, и его незаконное свержение не просто давало возможность, но жёстко требовало от всех законопослушных граждан, не разделяющих целей переворота, выступить в защиту конституционного порядка. Парадоксальным образом это означало в тот момент потребовать сближения с Россией или же присоединения к России. Там, где такая «революция против революции» произошла, там, где она набрала бы достаточное число сторонников, там, где она

если не победила, то обозначила свою силу, там и были «русский мир» и русская цивилизация. В тех же регионах, где взял верх конформизм в отношении майданного беззакония, восторжествовали либо европеизм, либо «украинство». Если бы всё было сделано таким образом, была бы соблюдена формальная международная легитимность, но, конечно, не наблюдалось бы эмоционального подъёма крымско-севастопольской революции и последующей эйфории национального воссоединения.

«РУССКАЯ ВЕСНА... ЧТО ПОСЛЕ?»

Эйфория, которая последовала за «Русской весной», была искренняя, сильная и, главное, создавала новую политическую реальность – так называемый «крымский консенсус». Он мог бы стать важным фактором нашего политического развития, если бы мы смогли им правильно воспользоваться. В Россию добровольно вернулись наши единоплеменники, не захотевшие присоединяться к Европе, – очень отрадный факт, вызвавший справедливое воодушевление. Но революционная эйфория часто связана с завышенными ожиданиями. Активисты русского движения в Севастополе во главе с народным мэром Алексеем Чалым были обескуражены и воодушевлены широким жестом российского президента, сделавшего город русского флота отдельным субъектом Федерации. Это сразу породило волну фантастических надежд – избирательная кампания «Единой России», которую возглавлял тот же Чалый, по выборам в Заксобрание Севастополя осенью шла под лозунгом «Русская весна. Что дальше?». «Дальше», по логике Чалого и его соратников, город должен был стать бездотационным субъектом за счёт развития четырёх кластеров – судостроительного, приборостроительного, туристического и винодельческого. Всё это было похоже на красивый сон и, видимо, таковым и являлось. Но что-то из этого сна можно было сделать былью. Можно было бы на примере деятельности Законодательного собрания Севастополя предоставить российским городам образец эффективного местного самоуправления, законопослушной борьбы городской общественности против своеволия застройщиков – проблема суперактуальная в том числе для Москвы. Вместо этого в местных и отчасти федеральных СМИ началась известная кампания по дискредитации Чалого и груп-

пы его сторонников в Заксобрании как политических радикалов, опасных для национальной безопасности. Кончилось всё тем, что спустя пять лет после 2014 г. Севастополь превратился в обычный провинциальный город – ещё до начала СВО, когда возник целый ряд других, более неотложных проблем.

Патриотический сегмент российского общества после Крыма действительно ждал реальных бонусов. Это было бы вполне справедливо и разумно. Это помогло бы впоследствии отделить лояльных патриотов от радикалов, которым ненавистно само слово «мир» и тем более слово «компромисс». Но бонусы вскоре были даны совсем другим людям: сейчас многие из них являются ино-агентами и не хочется поминать всуе их имена. Эти люди очень прочно обосновались в сфере культуры, гуманитарной науки, искусства и прочих приятных сторон жизни. Они тут же начали осуществлять так называемую «культуру отмены» – при некотором попустительстве со стороны власти взяли демонстративно отменять всех тех, кто поддержал «Русскую весну» и принял крымский выбор. Когда автор этих строк написал, что вообще-то крымский выбор должны разделять все политические партии страны, в том числе оппозиционные, один известный либерал сказал, что не может подать мне руки. Любопытным образом сейчас этот человек вполне лояльно принял СВО. Думаю, причина такой разницы в поведении состояла в простом факте – в 2015 г. наука и сфера образования были отданы тем, кто продолжал надеяться, как и российская власть, на наше возвращение в Европу – тем или иным способом. Сторонники идеи «цивилизационной самостоятельности» оказывались неуместными при таком раскладе. С ними можно было легко и беспроблемно поссориться, не опасаясь гнева начальства.

Всё это привело к тому, что появилось немалое число «разочарованных патриотов», недовольных тем обстоятельством, что «Русская весна» не принесла им новой работы, новых, в том числе карьерных надежд, признания их культурных и публицистических заслуг, а также справедливой оценки их, как им небезосновательно казалось, смелого и решительного выбора в пользу России и «русского мира» весной 2014 года. Из этого «благородного» ресентимента росли корни российского турбо-патриотизма образца 2022–2023 гг., здесь же были истоки в том числе и драматических событий 24 июня

2023 г. с их последующей трагической развязкой. Слишком многие уверили себя в том, что оптимальное состояние общества, при котором будут востребованы их таланты и гражданская позиция, – это именно состояние войны вне зависимости от того, насколько война рациональна и даже насколько успешна. Война им была нужна просто ради войны, как своего рода противоядие против иноагентов. Как только СВО завершится, полагают эти люди, иноагенты снова заполнят собой всё культурное пространство. Такие настроения при близком соприкосновении вызывают острое нравственное отторжение, но нельзя сказать, что у них совсем нет рациональных, хотя и сугубо эгоистических оснований. Это огромный урок на будущее – на самом деле нет более страшного в своей разрушительности чувства, чем отвергнутая любовь к Родине, и нет более отчаянного революционера, чем разгневанный патриот.

И опять же причина заключалась в том числе в недооценке цивилизационной идеи. Российская элита по-прежнему мыслила себя элитой европейской, и «Русская весна» представлялась ей в лучшем случае своего рода русским Рисорджименто – ирредентизмом по итальянскому образцу. Идеи цивилизационной особости можно было просто отложить в долгий ящик, туда, где хранятся все оригинальные, но не слишком полезные концепции. На заднем плане продолжала маячить мысль, что какая-то подлинная, глубинная, всамделишная Европа, или даже Запад, нас полюбит и поймёт. То ли это будет Трамп с популистами, то ли Марин Ле Пен с евроскептиками, то ли какая-нибудь «Альтернатива для Германии». Надо только дождаться счастливого момента, когда подлинный Запад потеснит Запад ложный, искусственный, извращённо-политкорректный, и цивилизационные барьеры рухнут сами собой.

Иными словами, в 2014–2015 гг. российская власть теоретически всё сделала правильно, но она неправильно интерпретировала происходящее – не как оформление рубежей цивилизаций, а как своего рода заявку на вступление в клуб нормальных европейских наций. Отсюда – долгое и бессмысленное ожидание момента, когда Германия и Франция принудят Киев исполнить то, что она подписала, а потом удивление по поводу известных заявлений, согласно которым европейские страны просто тянули время, чтобы Украина собралась с силами и смогла дать отпор. Если бы логика цивилиза-

ционной геополитики, или цивилизационного реализма, взяла верх в 2014 г., мы бы уже тогда знали реальные чувства и намерения партнёров, которые просто строили свой очередной «Адрианов вал» на пути проникновения в Европу «русских варваров». Обижаться на это и тогда и сейчас бессмысленно: возможно, в нас начнут видеть не варваров, а цивилизованных людей только в тот момент, когда мы будем смотреть на Европу с «цивилизационным равнодушием».

С точки зрения развития концепции «острова Россия», которое получило с моей лёгкой руки название «цивилизационный реализм», Москва не должна была испытывать иллюзий в отношении причастности к Европе и возможности сближения с европейскими странами поверх лимитрофных государств типа Украины. Россия и Европа оставались настолько чужими друг другу в ценностном отношении, настолько отличающимися по ментальности и мировоззренческим позициям образованиями, что надеяться на европейское понимание России не приходилось.

В 2022 г. мы вступили в жёсткое противоборство с «коллективным Западом», не понимая, что имеем дело с единой, вполне интегрированной и сознающей своё глубинное отличие от России цивилизацией. Противостояние оказалось для нашей страны испытанием на прочность. Это столкновение по крайней мере на время сделало неактуальным русский национализм: нашим союзником оказался Глобальный Юг, а противником – близкая по крови и по вере славянская страна. Столкновение – опять же на время – лишило шансов на успех всех, кто верил в нашу европейскость. Идея цивилизационной особенности стала господствующей и вошла в официальный дискурс. Но уже видно, что она сталкивается с сопротивлением всех сегментов интеллектуального класса, который именно в ней усматривает корень всех нынешних проблем.

Между тем, на наш взгляд, цивилизационный реализм – именно то волшебное зеркало, в котором можно правильно увидеть не только «Русскую весну», но и все последующие события, а затем совершить работу над ошибками и решить, что следует сделать, чтобы впредь их не допускать. Такая работа над ошибками не уместится в размер одной журнальной статьи, она требует серьёзной систематической деятельности. Но без неё мы снова и снова будем наступать на одни и те же грабли.